

«Понятно, что поместить Ильмень-озеро у Иерусалима можно только от великой простоты неразличения исключительно местных реалий от всяких других, – пишет П.А. Сапронов. – Между тем такая проекция Ильменя в палестинские пределы имеет строгий ограничитель. Настоящий-то и первозданный Ильмень оказывается вовсе не знакомым образом, на берегу которого разместился Великий Новгород. Точно также и Святая Русь – это та, да не та страна, в которой живут своей повседневной жизнью русские люди. Во всяком случае существует она не в наглядности исторического бытия, которую можно увидеть обычным взором или услышать обычным ухом» [13, с.123].

«Голубиная книга» подчеркивает неотмирность образа «Святой Руси». И делает она это гениально при всей своей наивности. «Наивное граничит с гениальным», – именно к такому выводу приходит русский религиозный философ князь Евгений Николаевич Трубецкой, анализируя «Голубиную книгу» [17, с.105].

Святая Русь – не от мира сего. В ней всегда присутствует некоторая вознесенность и удаленность от повседневности. И Русь-Россия, Русь-Украина, Белорусь, жизнь в которых непосредственно осуществляется русскими людьми, существует в меру причастности к той неотмирной Руси, которая в буквальном смысле слова является Святой Землей. Поэтому на самом деле подлинное и первозданное Ильмень-озеро находится не в какой-то «Турецкой земле», не в Палестине, а в Святой Руси, Святой Земле, ставшей парадигмальным образом и символом мировой православной цивилизации.

Источники и литература

1. Масаев М.В. Парадигмальные образы как символы эпох // Культура народов Причерноморья. – 2000. – №14. – С. 132-136.
2. Масаев М.В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношение. Понятие парадигмального образа в философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 21. – С. 210-221.
3. Масаев М.В. Роль образа в интервальном подходе в философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2001. – №22. – С. 199–205.
4. Масаев М.В. Место и роль ООН в парадигмальном образе грядущей цивилизации // Международное право. – 4/ 2001/13. – С. 296–304.
5. Масаев М.В. Парадигмальный образ современной цивилизации в свете геополитических построений и концепций глобального политического прогнозирования // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 55. – Т. 3. – С. 203-204.
6. Масаев М.В. Феномен образного воплощения пространственно-временного континуума исторической рефлексии // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 56. – Т. 2. – С. 96.
7. Масаев М.В. Крест как символ парадигмального образа эпохи христианской цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 56. – Т. 2. – С. 96-106.
8. Масаев М.В. Чернобыль как символ в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 57. – Т. 2. – С. 148-149.
9. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм. 2002. – 494 с.
10. Маркс К. Поражение правительства по финансовому вопросу. – Извозчики. – Ирландия. – Русский вопрос // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2 – е, т. 9. – С. 321–240
11. Панарин А.С. Политология. Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное. – М.: «ПБОЮЛ С. М. Грачев», 2001. – 448 с.
12. Протоиерей Лев Лебедев. Великороссия: жизненный путь. – Спб., 1999. – 680 с.
13. Сапронов П.А. Русская культура 1X – XX вв. Опыт осмысления. – СПб.: Паритет, 2005. – 704 с., ил.
14. Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. – М., 1991.
15. Россия перед вторым пришествием (материалы к очерку Русской эсхатологии). Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: «Серда-Пресс». – 1999. – С. 560 с.
16. Послание к Колоссянам святого Апостола Павла // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. Российское библейское общество. – Москва, 2002. – С.1289–1293.
17. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. Серия «Выдающиеся мыслители». Ростов на Дону: «Феникс», 1988. – С.17–336.
18. Данилевский И.Н. Мог ли Киев быть новым Иерусалимом. // Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII в.в.). Курс лекций: Учебное пособие для студентов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С.355–368.

Мюнстер Е.Г.

ВЛИЯНИЕ ПСИХОАНАЛИЗА НА ТВОРЧЕСТВО ГЕРАМАНА ГЕССЕ

Одним из видов анализа художественного произведения является его психоаналитическое рассмотрение. При этом решаются две основные задачи. Во-первых, делаются попытки объяснить, как собственно возникает произведение и, во-вторых, сделать наглядной основную схему конфликта, отраженного в нем.

В первом случае за основу берется учение Фрейда и, в частности, его работа «Поэт и фантазирование» [11]. Согласно Фрейду, в каждом произведении непременно присутствуют скрытые мотивы и желания, которые в реальной жизни реализации не находят. Поэт, как ребенок, стремится создать свой собственный, далекий от реальности мир, где он может укрыться от жестокой действительности и реализовать свои фантазии. Источником конфликтов в этом выдуманном мире опять же служит глубоко завуалированная внутренняя дисгармония творческой личности и окружающего мира. Поэта и безумца разделяет всего лишь тонкая грань между реальным и нереальным, сознательным и бессознательным. Разница между ни-

ми одна – поэт еще в состоянии различить эту грань, а безумец дороги в реальный мир уже не видит.

Создавая художественное произведение, выплескивая свою боль и эмоции, поэт излечивается сам и показывает выход из сложившейся ситуации другим. Таков «Вертер» Гете, «Демиан» и «Степной волк» Гессе. Но если Гете использовал этот способ, скорее всего, неосознанно, Герман Гессе приступает к своим произведениям уже как непревзойденный знаток учения о психоанализе, зная его не только с теоретической стороны, но и испытав практически, пройдя курс лечения у ученика Юнга – доктора Ланга.

Связь и влияние психоанализа на творчество Германа Гессе рассматривали многие исследователи и биографы писателя, связывая психоанализ, прежде всего, с его прозаическими произведениями. Наиболее полный анализ отношения Гессе к психоанализу дает исследователь Йозеф Милек в работе «Герман Гессе. Поэт. Искатель. Приверженец. Биография» [14]. Милек подробно останавливается на таких вопросах, как знакомство Гессе с психоанализом, его отношение к Фрейдю и Юнгу, влияние психоанализа на его прозу.

Другая исследовательница, Рената Лимберг («Терапевтические аспекты в живописи Г.Гессе») прослеживает взаимосвязь психоанализа с живописью писателя, отмечая ее терапевтическое воздействие на его душу и психическое состояние. Лимберг в частности подчеркивает, что с помощью красок Гессе создавал такой же нереальный, фантастический мир, что и с помощью слов. Этот мир был фантастичен своей необычайной яркостью красок, выраженной контурностью изображаемых предметов, детскостью всего рисунка.

Лимберг заостряет внимание на том, что для поздних живописных работ Гессе характерно преобладание прямоугольных и треугольных форм, как символов стабильности, надежности и устойчивости. Гессе как бы пытается противопоставить зыбкой, неустойчивой и ненадежной реальности, свой яркий и надежный живописный мир. Чтобы преодолеть кризис, выжить и выстоять, ему нужна помощь, которую он и получает, но не из внешнего мира, а от себя самого [13].

Краеугольным камнем фрейдистского понимания детских страхов и неудовлетворенности является теория Эдипова комплекса. Согласно Фрейдю, ребенок, мальчик, в определенном возрасте испытывает чувство отнюдь не детской любви к собственной матери и, соответственно, ненависть к отцу, как субъекту, с которым приходится делить объект обожания. Михаэль Лимберг в работе «Тень моего отца как прелюдия к творчеству. Герман Гессе и его отец», затрагивает проблему взаимоотношений отца и сына Гессе. Маленький Герман испытывал к отцу самые противоречивые чувства. С одной стороны, его подавляли воля и властность отца, с другой стороны, только отец мог дать его душе покой и примирение с собственной совестью. Порой именно страх перед отцом, перед последующим наказанием, побуждал мальчика к новым шалостям и проступкам. Желание освободиться от чувства вины заставляет порой детей сознательно вызывать на себя гнев родителей или учителей и испытывать наказание. Таким образом, отмечает Лимберг, внутренние конфликты преобразуются в конфликты с внешним миром и поэтому переносятся легче [12].

По словам Лимберга, детство и юность Гессе были постоянным метанием между стремлением соответствовать родительским нормам и заповедям и протестом против них, постоянным желанием любви и признания. И только психоанализ помог Гессе четко определить свое отношение к отцу, понять, что многие отцовские качества свойственны и ему самому [12].

Учение о психоанализе, многочисленные работы Фрейда и его учеников повлияли на многих литературных критиков, послужили основой для создания ряда психоаналитических школ и направлений. Творчество писателей и поэтов стали рассматривать с точки зрения присущих им психопатологий, вызванных тяжелым детством или нервными срывами. Сам Гессе всегда протестовал против подобной оценки творческой личности. Поэтому целью нашего исследования будет не изучение причин и последствий кризисных ситуаций писателя и их непосредственное отражение в его художественных произведениях. В первую очередь мы хотим проследить влияние самого учения о психоанализе, работ Фрейда и Юнга на образ жизни Германа Гессе и на его творчество в целом. Необходимо также показать, что увлечение психоанализом является у Гессе не просто отражением его основных идей и методов в литературных произведениях, а органичной интеграцией в творчество.

Для решения поставленных задач прежде всего необходимо обратиться к истокам – к знакомству Гессе с психоанализом. Предполагается, что оно состоялось во второй половине 1914 года. Как отмечает Йозеф Милек, «интеллектуальное любопытство сменилось личным интересом, когда брак Гессе начал распадаться, а нервные силы полностью истощились» [14, с.108]. Проблемы в семье, смерть отца, события первой мировой войны, все это привело к нервному срыву и, как следствие, потребовали безотлагательного лечения. В 1916 году Гессе стал посещать сеансы психоанализа у доктора Ланга, что вызвало большой интерес к работам его учителя – Юнга. И лишь впоследствии Гессе снова отдаст предпочтение Фрейдю, сделав вывод о том, что Юнг является всего лишь одним из множества его талантливых последователей.

Психоанализ стал страстным увлечением Гессе и интересовал его вплоть до 1922 года. Это увлечение легко объяснимо, если обратиться к его романтическим склонностям – с самого начала мысли, эмоции, воображение и мечты, настроения и страстные желания занимали Гессе больше, чем реальный мир. Это учение повлияло на образ жизни писателя, на его творчество в целом. Благодаря психоанализу он увлекся живописью, делая сначала зарисовки своих снов, а потом яркие пейзажные наброски. Благодаря влиянию психоанализа прозаические произведения Гессе стали глубже, характеры приобрели необходимую глубину и законченность. Ярче всего это проявилось в романах «Демиан» (1917) и «Степной волк». Влияние психоанализа ощущается и в «Курортнике» (1923) и в «Нюрнбергском путешествии» (1925). Незримой нитью связаны с учением Фрейда дневниковые записи, многочисленные эссе, а также рецензии к издаваемым произведениям Фрейда и Юнга. В этот период как никогда ранее Гессе интересовали психические процессы, психологическая оценка его коллег-писателей и психология искусства в целом. Можно согласиться с И. Милеком, что психоанализ стал почти что «способом его мышления» [14, с.113].

В 1918 году Гессе пишет эссе «Художник и психоанализ», единственное сочинение, посвященное исключительно психоанализу и его связи с литературой. Это было его критической оценкой и горячим при-

знанием этой новой науки. Гессе отмечает в этом эссе три положительных для художника момента и, в первую очередь, «глубокое подтверждение роли фантазии, вымысла», потому что «именно анализ настоятельно напоминает каждому художнику: то, что временами воспринимается только как вымысел, имеет высшую ценность; анализ громко напоминает ему о существовании главных требований души и об относительности всех авторитарных масштабов и оценок» [3, с.64–65].

Гессе отмечает также, что психоанализ может открыться во всей глубине лишь тому, кто «основательно и всерьез испробовал психоанализ на собственном опыте, для кого анализ – не сугубо интеллектуальное занятие, а душевное переживание» [4, с. 65]. Благодаря такому практическому знакомству с этим учением, человек может выработать в себе особое отношение к «собственному бессознательному», сможет почувствовать «горячее, животворное, страстное взаимодействие между сознательным и бессознательным; многое из того, что обычно остается за порогом и разыгрывается только в мимолетных снах, он вытащит на свет» [4, с. 65].

Гессе подчеркивает большое значение воздействия психоанализа на этику и совесть каждого человека. Он утверждает, что анализ «требует такой искренности человека по отношению к самому себе, к какой мы не привыкли», и что он «учит нас видеть, ценить, исследовать и принимать всерьез то, что мы успешно вытеснили из своего сознания, что должны были вытеснить целые поколения» [4 с. 65].

Главным достижением психоанализа Гессе считал возможность познания человеком своего внутреннего мира. В предисловии к роману «Демьян» он писал, что «жизнь каждого человека есть путь к самому себе» [5, с. 212]. Путь внутрь собственной души становится, по мысли Гессе, выходом для изломанных душ, а познание самого себя, поиски мира в своей собственной душе пропагандируется им как самая важная цель в жизни каждого человека. Психоанализ помог Гессе на его собственном пути внутрь, позволил осознать самого себя, свою приспособленность к жизни, помог ему указать путь из кризиса и другим нуждающимся. Этим путем Гессе идет вместе с героем «Степного волка» - Гарри Галлером. Вместе с ним Гессе пытается перебороть темную, животную сторону души. Он понимает, что для этого нужно заглянуть в глубь самого себя, встретиться лицом к лицу со своей темной стороной, пропустить ее через себя и выплеснуть наружу. Гессе сделал это в стихах, выразив в них свою боль и смятение, выплеснув их и очистившись от них:

*«Однажды я был поэтом,
Сейчас я могу сочинять лишь стишки.
Люди, которые их читают,
Смеются над ними или ругают.
Когда-то я был мудрецом и многое знал,
Я был уже совсем близок к цели,
А сейчас снова стал глупцом
И вновь начинаю сначала...»* [10, с.264].

В этом стихотворении и других стихотворениях из цикла «Кризис» (1925–26), как никогда ранее, чувствуется наличие психического и бессознательного начала. В них Гессе приходит к сознанию своего душевного кризиса, говоря о нем в игровой манере, скрываясь под маской, подчеркивая, что необходимо сломать прежнюю болезненную структуру и из ее кусочков собрать новую.

Картина взаимосвязи психоанализа и творчества Гессе была бы неполной без еще одной существенной стороны этого учения – интерпретации сновидений. Согласно Фрейд «в сновидении нет ничего случайного или безразличного» и разгадка кроется именно в объяснении «таких незначительных, немотивированных деталей» [6, с.74]. Фрейд отмечал большую терапевтическую роль сновидений, считая, что они «являются устранением нарушающих сон (психических) раздражений путем галлюцинаторного удовлетворения» [6, с.84]. Именно в сновидениях могут найти выражение все подавляемые чувства и инстинкты человека, все, что скрыто под внешними проявлениями человеческой натуры, скованными приличиями и этическими принципами. Лишь в сновидениях фантазия творческой личности обретает полную свободу и помогает создавать невозможные в реальной жизни шедевры. Гессе четко осознавал это и учился записывать свои сны, ловить эти ускользающие при дневном свете чудесные видения, пытаясь дать им логическое обоснование и завершенность. Эти попытки мы находим в его сборнике эссе «По следам сна». В эссе «Зарисовка» Гессе подтверждает высказанное Фрейдом утверждение о галлюцинаторном удовлетворении, которое приносят сновидения. Герой эссе просыпается среди ночи «осчастливленный и потрясенный таинственной силой приснившегося ему сна, проснулся и почувствовал, что пережил нечто значительное и замечательное» [3, с.13]. Сон был прекрасным и восхитительным и герой пережил «нечто возвышенное, важное, незабываемое, неотъемлемое от его жизни» и спасти то небольшое, что еще оставалось в памяти после пробуждения можно было лишь записав все, что осталось после сна и расшифровав эти зыбкие обрывки.. Приснившаяся ему девочка, неведомая ранее возлюбленная родилась для него «из глубочайших, лучших источников его души, явилась «как символ будущего, как предвкушение грядущей судьбы, как его сокровеннейшая мечта о счастье» [3, с.17]. Герой счастлив, но все же отказывается от попытки записать сон в виде необычайного по своей совершенности литературного произведения, решая остаться простым ремесленником от литературы.

В эссе «Подарок во сне» Гессе еще раз возвращается к «литераторам от сновидений», подчеркивая, что они тратят большую часть своей жизни на попытки возродить приснившиеся чудесные видения, сделав эту задачу самой основной в своей жизни. Слегка подсмеиваясь над подобными творцами, Гессе отмечает и неправильность пренебрежения снами, считая, что «время от времени нам следует склоняться над этой прелестной бездной, чтобы подивиться ее тайнам, обнаружить в разорванной чередой картин намеки на что-то целостное и подлинное и полюбоваться несказанными часто красотами ее фантомов» [3, с.220–221].

В этом же эссе Гессе упоминает о приснившемся ему пейзаже, картине, бывшей одновременно и дей-

ствительностью и искусством. Краски этой картины были любимыми красками его палитры – теплыми желтыми и красноватым тонами. Сожаление вызывало лишь одно – после пробуждения картина казалась уже излишне красивой, слишком розовой и слишком гармоничной, чуть-чуть слащавой и даже чуть-чуть пошловатой. Но в этом, по мнению Гессе и заключалась тайна сновидения, его загадка [3, с.222-223].

Игра со сновидениями доставляла Гессе определенное удовольствие. В течение десятков лет он продолжал развивать выработанное им умение вспоминать и мысленно воспроизводить приснившиеся ему сны, записывать их и по изученным методам психоанализа доискиваться до их скрытого значения, прослеживать связь между сознательным и бессознательным. Со временем, по признанию Гессе, хотя «способность отзываться на сны, а порой следовать их мягкому наставлению» никогда полностью не покидала его, жизнь снов «никогда больше не приобретала той настоятельности, насыщенности, какую она когда-то бывало, имела» [3, с.317].

Как и романтизм, психоанализ был лишь одним из увлечений Гессе, но оставил неизгладимый след в его душе и творчестве, став символом и знаковым обозначением его второго периода творчества. Знакомая с произведениями этого периода, читая биографические очерки о Гессе и его собственные свидетельства, мы видим, что учение Зигмунда Фрейда о психоанализе оказало большое влияние как на его образ жизни, так и на его творчество. Благодаря знакомству с психоанализом и терапевтическим сеансам у доктора Ланга Гессе удалось преодолеть ряд душевных кризисов, найти новые силы для дальнейшего творчества. Занятие живописью, начавшееся с зарисовок сновидений, превратилось в источник радости и отдохновения, а проза по стилю и по материалу стала в высшей степени оригинальной и современной. Психоанализ не привил Гессе новых взглядов на жизнь, но помог в более упорядоченном самопознании, помог выработать определенный способ мышления, отразившийся в его литературных произведениях.

Источники и литература

1. Гессе Г. По следам сна / Собрание сочинений. В 8 т. Т 7: Пер. с нем. – М.: Ао Изд.группа «Прогресс» - «Литера»; Харьков: Фолио, 1995. – С.7–18.
2. Гессе Г. Подарок во сне / Собрание сочинений. В 8 т. Т 7: Пер. с нем. – М.: Ао Изд.группа «Прогресс» - «Литера»; Харьков: Фолио, 1995. – С.219–223.
3. Гессе Г. Ночные игры / Собрание сочинений. В 8 т. Т 7: Пер. с нем. – М.: Ао Изд.группа «Прогресс» - «Литера»; Харьков: Фолио, 1995. – С.316–321.
4. Гессе Г. Художник и психоанализ / Собрание сочинений. В 8 т. Т 8: Пер. с нем. – М.: Ао Изд.группа «Прогресс» - «Литера»; Харьков: Фолио, 1995. – С.62–67.
5. Гессе Г. Клигзор: Романы, повесть и новеллы / Пер.с нем. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. – 480 с.
6. Фрейд Зигмунд. Введение в психоанализ: лекции. – М.: Наука, 1991. – 456 с.
7. Целлер Бернхард. Герман Гессе сам свидетельствующий о себе и своей жизни. / Пер.с нем. – Урал ЛТД, 1998. – 310 с.
8. Hesse Hermann. Freud./ Gesammelte Werke. Zwölfter Band, Schriften zur Literatur 2, Suhrkamp Taschentuch Frankfurt am Main, 1987 – S.365–368.
9. Hermann Hesse. G.G.Jung, Wirklichkeit der Seele // Gesammelte Werke. Zwölfter Band, Schriften zur Literatur 2, Suhrkamp Taschentuch Frankfurt am Main, 1987 – S.430–432
10. Hermann Hesse. Die Gedichte. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 2002. – 848 S.
11. Freud Sigmund. Der Dichter und das Phantasieren //Methoden der Literaturanalyse im 20.Jahrhundert. Frankfurt a.Main; Berlin. München, Verlag Moritz Diesterweg, 1974. – S.8–14
12. Limberg Michael. Der Schatten meines Vaters als Verfolger. Hermann Hesse und sein Vater. <<http://www.gss.ucsb.edu/projects/hesse/papers/limberg.html>> 12.12.02.
13. Limberg Renate. Therapeutische Aspekte in der Malerei Hermann Hesses. <http://www.gss.ucsb.edu/projects/hesse/papers/limberg-r.html>> 12.12.02.
14. Mileck Joseph. Hermann Hesse. Dichter, Sucher, Bekenner. Biographie. Suhrkamp Taschentuch Verlag. Frankfurt a. Main, 1987. – S.441.

Орехов В.В.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОССИКИ КАК «ОТВЕТНАЯ РЕЦЕПЦИЯ»

В отечественной компаративистике последних лет актуализировалось внимание к проблеме межнационального взаимовосприятия. Обычно исследования подобного рода посвящаются литературному бытованию имиджей различных стран и народов. Наиболее известны в этой области работы М.П.Алексеева, Б.Г.Реизова, М.Кадо, Д.С.Наливайко и др. Однако представляется целесообразным предложить еще одно направление исследований: проанализировать степень влияния национальных литературных имиджей на развитие межлитературных отношений.

Многие народы проявляют интерес к собственному отражению в инонациональных литературах. В этом случае *своя* национальная литература становится главным инструментом осмысления иностранных мнений и, более того, позволяет создать общенациональный «ответ» на эти мнения. Формирование литературного «ответа» на иноземную рецепцию мы предлагаем именовать «ответной рецепцией». «Ответная рецепция» выражается в разных формах, но сосредоточим внимание на тех случаях, когда зарубежные тексты имагологического характера непосредственно вводятся в новый культурный контекст. **Материалом** настоящей статьи являются суждения российских литераторов, историков и публицистов первой половины XIX в. о текстах зарубежной россики, переведенных и опубликованных в России. **Цель** работы – изучение природы и особенностей формирования «ответной рецепции» в процессе адаптации россики. В связи с этим необходимо решить следующие **задачи**: выявить тексты россики, опубликованные в исторических и периодических изданиях России; установить особенности комментирования и толкования тек-